

# ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

**№ 6 (32) 2025**

## УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

## Главный редактор –

**Антон Геннадьевич Хрулёв,**  
antonkhrulev@yandex.ru

## Общественный совет журнала

Татьяна Владимировна Авдеева-Кадникова, Алексей Алексеевич Питиков, Людмила Павловна Захарова, Игорь Юрьевич Коротков

## Редакционная коллегия

### Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,

редактор – Анна Сергеевна Коржавина, e-mail: askorgav@mail.ru,

художник – Марина Владимировна Полежа́й (Герасимова),

e-mail: cubernihellady@inbox.ru,

технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,

e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественностью

– Игорь Владимирович Табаков, e-mail: igor.tabakov.65@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина, e-mail: ninavs@mail.ru

дизайн обложки – Никита Мошинский, e-mail: SwedenSew@yandex.ru

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имён собственных и прочих сведений. Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 1.10.2025. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.

Усл.-печ. л. 6. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр

«Социосфера»

440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14

Тел. +79677016814

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,

e-mail: [sociosphere@yandex.ru](mailto:sociosphere@yandex.ru)

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У.

Тел. (8452)24-85-33

## СОДЕРЖАНИЕ

### ВОЙНА. НАША БОЛЬ. НАША ПАМЯТЬ

Людмила Захарова. Блокадные воробушки .....	3
Алексей Питиков. Украинский пейзаж .....	3
Лидия Терёхина. Разговор .....	4

### ПРОЗА

Светлана Замлелова. Автограф .....	5
------------------------------------	---

### ПОЭЗИЯ

Кристина Денисенко. Кружевная пропасть .....	12
Волны души .....	13
Грустное .....	13
Исцеление .....	14
Межсезонье .....	15
Павел Сидельников .....	15
«В России – прошлогодний снег...» .....	16
«Ребяческая робость. Забытьё» .....	16
«Не выразил любовь свою в словах...» .....	16
«Не чувствуешь меня, а мне...» .....	16
«О смерти я молчу, куда...» .....	17
Надежда Князева. «Сияет, словно нота «соль»...» .....	18
«Мои сомнения тянутся на свет...» .....	18
«И твой друг уедет...» .....	19
«От меня улетает Крым...» .....	20

### СТИХИ ПРИЗЁРОВ КОНКУРСА «ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2024»

Юлия Королькова. Родина моя .....	21
Междуречье .....	21
Родной край .....	22

### ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Марина Герасимова. «Безответно...» .....	23
Людмила Захарова. Зима .....	23
Русланбек Джурабеков. Рождество .....	24
Алексей Питиков. «Лётной погоды людям и птицам...» .....	24
Тома Городнова. Рождество .....	25
Татьяна Шварева. Вьюга .....	25
Александр Буланов. «Закипали моря-океаны...» .....	26
Яна Цыганова. «Не зови, родная. Меня здесь нет...» .....	26
Александр Костерев. Качели .....	26
Наталья Шмельёва. На дороге зимней .....	27
Наталья Мошинская. Если смешать цвета .....	28
Дмитрий Пяткин. Есенину .....	28

### ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Татьяна Рузаева. Другой Мандельштам .....	30
Лариса Москвитина. Третья книга .....	34

### КРАЕВЕДЕНИЕ

Светлана Старостина. Война и мир Александра Милокова .....	36
--	----

### СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Александр Кукаев. Крестопад в Пензе .....	41
Игорь Витюк. Иисусова молитва .....	44
Покрова на крови .....	45
Ты дождёшься меня (Письмо с фронта) .....	45
Вечное возвращение .....	46

### СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Светлана Краснова. Необыкновенная лисичка .....	47
Алексей Питиков. Галки и палки .....	49

### ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Лела Гулуа. Письмо папе .....	50
Артём Зайнуллин. Путник .....	51
Тихон Будряшов. Моя Русь .....	51

### СОБЫТИЯ. ДАТЫ. ФАКТЫ

Нина Келина. Художник Пётр Келин .....	52
Пётр Келин. Маяковский в моей студии .....	53

**ВОЙНА.**

**НАША БОЛЬ.**

**НАША ПАМЯТЬ**



*Людмила Захарова*

*г. Никольск Пензенской области*

### **Блокадные воробушки**

Падали воробушки  
В лютый холод с неба.  
Ели их хворобушки –  
Не было хлеба.

Раздирали пёрышки –  
Что кому достанется.  
Грызли кости-рёбрышки,  
Клюва не останется...

Застревали пёрышки  
У детушек в горле...  
Нету! Нету хлебушка –  
Блокадное горе.

Падали воробушки  
В Ленинграде с неба.  
Но ушли хворобушки  
Ангелами в небо...

*Алексей Тютиков*

*г. Пенза*

### **Украинский пейзаж**

Дальнее эхо охрипшего боя.  
Новый наплыв в полевой медсанбат.

Местной старушки обличье простое,  
Всё же дождавшейся  
русских солдат.

Призрак села.  
К малой речке овражек.  
Полусгоревший разрушенный храм.  
Ангел-хранитель в своём камуфляже  
С именем русским – Иван.

*Людия Черёхина*

*г. Пенза*

## Разговор

Что пустые вести разговоры?!  
И не братья мы, и не друзья.  
И, конечно, не скоро, не скоро  
жизнь вернётся на круги своя.

Жернова эти всё перемелют –  
зёрна, камни, пелёву, остьё.  
Направленье ветра переменят –  
снова мирное будет житьё.

Как на теле рубцуются раны,  
Зарастать будут раны земли.  
Спросит выросший внук ветерана:  
– Для чего этот путь вы прошли?

Своей кровью омыли награды,  
Тыщи сгинули в смертном огне...  
Никому это было не надо,  
а особенно нашей стране.

– Знать, такая исконная доля, –  
тот ответит, – у русской земли:  
жить по правде и собственной воле.  
А иначе бы мы не смогли.

Снова вырастил тёмные силы  
враг у западных наших дверей.  
Мы и шли воевать – за Россию  
с этой сворой фашистских зверей.

# ПРОЗА



## Светлана Заммелова

Светлана Георгиевна Заммелова родилась 22 августа 1973 года в Алма-Ате. Окончила факультеты «Музееведение» и «Психология» Российского государственного гуманитарного университета. Кандидат философских наук. Прозаик, публицист, критик, переводчик, драматург. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Лауреат премии «Я в мире боец» им. В. Г. Белинского. Живёт в г. Сергиев Посад.



## Автограф

Сначала пришлось осваивать компьютер. Потом – интернет, потому что журналы стали принимать рукописи только по электронной почте. Наконец, когда Алексей Иванович готовился справить семидесятую весну, жизнь заставила его приобщиться к торговле online. Всё существо Алексея Ивановича протестовало против этих эфемерных лавок. Обычная купля-продажа представлялась ему едва ли не ритуалом, действием, требующим особых знаний и специального опыта. Любой товар предполагалось поддержать сперва в руках, ощупать, рассмотреть, обнюхать, прочитать всё, что написано на бирках и ярлыках. Выяснить самое главное – состав и производителя. И если состав был хорош – шла ли речь о продуктах или одежде, – следовало сказать, а то и воскликнуть: «Надо же! Без пальмового масла...» или «Ничего себе... Чистый хлопок!» Если обнаруживалось, что товар прибыл из Поднебесной, Алексей Иванович скорбно вздыхал: «Теперь всё делается в Китае». Если же, паче чаяния, за словами «Сделано в...» или «Made in...» следовало название любой другой державы, кроме родины фарфора и бумаги, Алексей Иванович восклицал: «Ого! Из Швеции!» При этом на лице у него явственно прочитывалось: «Видели ли вы что-нибудь подобное?» Впрочем, бывало и такое: «Вьетнам?.. Всё лучше, чем Китай...» А цена? Какие-то несколько цифр давали повод для раздумий, вызывали бурю чувств, предлагали тему для разговоров.

Одним словом, купля имела свои традиции и свою эстетику, нарушение которых превращало событие в отправление нужды. Алексей Иванович, наблюдательный, как и положено литератору, давно заметил, что

жизнь, повсеместно упрощаясь, теряет некую внутреннюю красоту и наполненность. Именно поэтому Алексей Иванович был ярким противником кофе в бумажных стаканчиках, выпиваемого на улице или даже на ходу; поздравлений посредством коротких текстовых сообщений, прозванных противным словом «эсэмэски», а равно и жёлтых уродливых рожиц; покупок чего бы то ни было в интернет-магазинах; чтения книг с экрана компьютера... Но если в отношении бумажных стаканчиков удавалось проявлять завидную стойкость, то с «эсэмэсками» и интернет-магазинами Алексей Иванович дал слабину.

Сначала пришлось признать, что «эсэмэски» здорово упрощают жизнь, как, впрочем, и «смайлики». Особенно, когда нужно высказаться, а говорить не хочется. Что до интернет-магазинов, к ним Алексей Иванович переменялся во время карантина. Он долго не мог понять, чего страшится больше: новой болезни или новой реальности с патрулями на улицах, с масками на лицах, с перчатками цвета пуговицы холостяка... Он подходил к окну и, держась поднятой рукой за серую пыльную штору, грустно смотрел на опустевшие внизу улицы, на пробивавшуюся траву, на полосатых кошек и жёлтых собак, которым безраздельно принадлежал теперь город, на разлитый по асфальту солнечный свет. Хотелось выйти из дома, но жутковато было оказаться одному на пустынной улице. Они пугали не меньше вируса и патрулей. К тому же в маске кружилась голова, а в ближайшей «Пятёрочке», стоило приспустить маску, продавщицы и кассирши грозили охранником, полицией и карой небесной. Как-то, глядя на разъярённую кассиршу, Алексей Иванович поймал себя на мысли, что внутренне сжался и приготовился услышать нечто вроде: «Арбайтен, руссиш швайн, арбайтен шнеле!..» Алексей Иванович начал было подумывать, а не переменить ли ему поставщика продовольствия и не отправиться ли в «Магнит» на соседней улице, как вдруг позвонил товарищ – поэт Арсений Бубенцов – и сообщил, что отныне покупает еду, не выходя из дома.

– И не только! – восклицал Бубенцов, уловив удивление в интонациях Алексея Ивановича. – Всё, что нужно, заказываешь – всё принесут!

Бубенцову было приятно удивить приятеля. Но, кроме того, обучение премудростям online-торговли несведущего Алексея Ивановича сулило какое-никакое развлечение. Поскольку и самому Алексею Ивановичу было скучно, он согласился сделать свой первый заказ под руководством Бубенцова. Тут же выяснилось, что в сетевых покупках нет ничего сложного. Для пробы Алексей Иванович заказал картошки. И уже через пару часов на пороге его квартиры стоял темноволосый худенький паренёк в белом респираторе и протягивал пакет с корнеплодами.

На следующий день Алексей Иванович уже самостоятельно, без помощи Бубенцова сделал более внушительный заказ. Другой молодой человек в таком же белом респираторе доставил ему второй пакет.

А если бы через несколько дней кто-нибудь сказал Алексею Ивановичу, что совсем недавно он понятия не имел, как пользоваться интернет-магазинами, Алексей Иванович очень бы удивился.

Через неделю после первой покупки он заказал электрический чайник, книгу Ю. Несбё и зубную пасту. Даже когда сняли карантин и Алексей Иванович стал выходить на улицу, а в «Пятёрочке» уже не пугали десятью казнями египетскими, он то и дело заглядывал в полюбившийся ему маркетплейс, перелистывал каталог и нет-нет, да и заказывал приглянувшуюся мелочь. Это было приятно.

Как-то разглядывая книги, Алексей Иванович удивился: почему одна простая мысль до сих пор не приходила ему в голову. Мысль и в самом деле была нехитрая: Алексей Иванович вбил свою фамилию в строку поиска и не без удовольствия воззрелся на несколько изданий за собственным авторством.

Это тоже было приятно – видеть, пусть и разрозненное, собрание своих сочинений и сознавать, что точно так же их видят (или хотя бы могут видеть) другие. Да, в «Первый снег» вошли его старые стихи. Стихи-то, может, были и старые, но сам Алексей Иванович был молод, если не сказать, юн, когда, одержимый мечтой о славе, стучал на своей «Олимпии» или строчил на первой подвернувшейся салфетке нашёптанные мирозданием строки. Всё тогда было иначе...

А вот и «Летний дождь» – книга, собранная уже зрелым и разочарованным Алексеем Ивановичем, оставившим мечты о славе, но не сумевшим оставить привычку рифмовать слова...

Вот и сборники эссе, вот и воспоминания о знакомых поэтах. А вот... Пойдите-ка. Этого не может быть! Книга «Слова и листья» издана в 2007 году. Откуда же взялся экземпляр, отпечатанный в году текущем? Как это возможно?

Алексей Иванович снова осмотрел своё наследие. Вот, пожалуйста, «Слова и листья» от 2007 года. И тут же в каталоге чуть ниже: «Слова и листья» от 2020 года. Но позвольте, не значит ли это, что книгу с какой-то там неизвестной целью переиздали без его, автора, ведома? Конечно, у Алексея Ивановича мелькнула мысль, что хорошие стихи не грех и переиздать. Но он тут же отогнал от себя эту блажь, поскольку прекрасно знал: стихов с каждым годом становится в мире всё больше, а вот тех, кого стихи могли бы заинтересовать, всё меньше. Поэтому спросом на хорошую поэзию Алексей Иванович не стал объяснять появление второй книги. Но поскольку происшествие не отпускало, и время от времени Алексей Иванович мысленно возвращался к переизданным «Словам и листьям», решено было обсудить происшествие с Бубенцовым.

Тот был зол, завистлив и всеведущ.

– Переиздали? – уточнил он. – Ну, уж я не знаю, кому это понадобилось, а только просто так не переиздадут. Что-то там нечисто, уж поверь

мне. Кто-то ведь мог и заказать переиздание. А может, – вдруг оживился он, – может, кто-нибудь песни на твои стихи поёт... Ну, там... звёзды какие-нибудь... Пугачёва там... Ну или не знаю. Вот и заказали тексты.

Алексея Ивановича такое объяснение не удовлетворило.

– Так ведь один в один, – промямлил он. – То же издательство, то же оформление...

– Ну и что! – настаивал Бубенцов. – В том же издательстве и заказали. Зачем новый макет, новая обложка? Когда просто взяли и готовое отпечатали. Ты, кстати, права-то им точно не передавал?

Алексей Иванович подтвердил, что никаких прав никому не передавал. И стал склоняться к тому, что Бубенцов, пожалуй, в чём-то прав. Конечно, умозрительно едва ли возможно разгадать такую загадку, но должно же быть объяснение!..

– Слушай, – прервал его думы Бубенцов, – а давай-ка я Ржаксина спрошу!

– Кто такой Ржаксин? – не понял Алексей Иванович.

– Да адвокат же! Ну, помнишь, который разводом моим занимался...

И Алексей Иванович вспомнил очень приятного, высокого интеллигентного человека, всегда прекрасно одетого, пахнущего дорогим одеколоном. Вспомнил даже, какие на нём были очки, когда Бубенцов выяснял имущественные отношения с бывшей супругой, намеревавшейся пустить Бубенцова по миру. Адвокат Ржаксин сумел отстоять клиента и не допустил его до суммы, за что Бубенцов испытывал к своему спасителю благодарность, граничащую с благоговением. И, точно богомольная старуха к святым угодникам, обращался к нему за каждой мелочью. Ржаксин, впрочем, являл профессиональное терпение и советы подавал охотно.

Заручившись согласием Алексея Ивановича, Бубенцов пообещал выяснить у адвоката, что может значить переиздание книги стихов без ведома автора, и отключился, оставив Алексея Ивановича в раздумьях. Но раздумывать долго не пришлось: вечером того же дня Бубенцов излагал Алексею Ивановичу план дальнейших действий.

– Значит так, – говорил он деловито и напористо. – Ты заказываешь книгу в этом же магазине. И в тот же день, когда заберёшь покупку, встретимся все у тебя. Ржаксин посмотрит книгу и скажет, что делать дальше. Возможно, придётся подать в суд. И Ржаксин тебе объяснит, что и как. Ну, там, заявление... иск...

Алексей Иванович не стал возражать и покорно исполнил всё, что велел ему Бубенцов. Книгу пообещали доставить через день. И они условились с Бубенцовым о встрече.

Позавтракав, Алексей Иванович заторопился в пункт выдачи – в полдень к нему должны были подъехать Бубенцов с Ржаксиным. Покупателей не было, и юная полнотелая операторша пялилась со скучающим видом в экран компьютера. При появлении Алексея Ивановича она оживи-

лась и с видимым удовольствием отправилась за товаром. Спустя пару секунд появилась из-за занавески, разделявшей два помещения, и протянула Алексею Ивановичу посылку в накрепко заклеенном голубом пластиковом пакете.

– Будете смотреть? – спросила она и пытливо уставилась смородиновыми глазками на Алексея Ивановича.

Тот задумался. Посмотреть, конечно, хотелось. Но, пожалуй, рассудил он, будет правильнее вскрыть пакет в присутствии адвоката. Алексей Иванович так и подумал: «в присутствии адвоката...», отчего преисполнился важности – слова эти придали пустяковой, в общем-то, истории, смысл и даже наполнили её значимостью.

– Нет, спасибо, – гордо ответил он и, сунув голубой пакет под мышку, отправился восвояси.

Дома он снова чуть было не поддался искушению распечатать посылку, но снова вспомнил про адвоката и удержался. В начале первого в дверь позвонили. Алексей Иванович увидел на пороге курбатого Бубенцова – как всегда, с растрёпанной пегой бородой, и высокого элегантного и благоухающего Ржаксина в безоправных очках. Алексей Иванович отступил на шаг, засуетился и залепетал что-то обычное для таких случаев о том, как ему приятно и как заждался он дорогих гостей.

– Вот, – объявил, переступая порог Бубенцов. – Знакомься, Николай Васильевич, Алексей... Алексей Иванович... Алексей, это Николай Васильевич...

– Да мы знакомы, – сдержанно прервал его Ржаксин и протянул хозяину руку.

Пожимая эту холёную руку, Алексей Иванович обдумывал, как пригласить гостей к чаю. Или, может быть, сначала предложить чего покрепче и выставить суп... Но Ржаксин прервал и его, коротко спросив:

– Так что там у нас?

И Алексей Иванович повёл гостей в комнату, где на диване лежал голубой пакет.

– Я специально не открывал, – объяснял он во время шествия, – дожидался вас. Дай, думаю, при адвокате открою. Так-то оно как-то... надёжнее...

Но тут он и сам почувствовал фальшь и замолчал.

– Так давайте откроем, – опять же коротко предложил Ржаксин, кивая на посылку.

Алексей Иванович сбегал в соседнюю комнату за ножницами, отрезал край пакета и протянул посылку адвокату. Тот извлёк книгу, раскрыл её... и все трое замерли.

Крупным, стрелчатым, похожим на синусоиду почерком Алексея Ивановича было выведено посреди титула: «Дорогому Николаю Васильевичу»

чу с благодарностью и на добрую память». Чуть ниже отдельной короткой синусоидой разместилась собственноручная подпись Алексея Ивановича.

Противный колючий холодок пробежал по спине. И всплыли откуда-то из недр памяти слова: «С нами крестная сила...» А следом, точно разбуженные вспышкой света тараканы, бросились врассыпную мыслишки: «Мистика...» «Бред...» «Чертовщина...» «Из будущего в прошлое или... из прошлого в будущее?..» «Вот он! Интернет ваш...». Остановил эти тараканьи бега Николай Васильевич. В первое мгновение, когда книгу открыли и обнаружили странность, все трое только молча смотрели на автограф, не в силах подыскать объяснение увиденному. В самом деле, никуда и никакого объяснение приладить не было возможности. Вот тогда-то и побежали, шурша лапками, тараканьи мыслишки. Как вдруг Николай Васильевич, словно очнувшись от наваждения и силясь разогнать спустившийся вдруг морок, сказал решительно и громко:

– Стоп!

Алексей Иванович вздрогнул. Вместе с Бубенцовым, заморожено смотревшим на титульный лист, они подняли глаза на Ржаксина, попутно обменявшись многозначительными, но ни о чём не говорящими взглядами.

– Здесь же дата стоит! – воскликнул Николай Васильевич, ткнув чистеньким, розовым ноготком в автограф.

В самом деле. Успев испугаться, они не успели подумать и не увидели главного – сразу под росчерком маленькими циферками значилось: «4112007», что могло означать только одно: «4 ноября 2007 года».

– Не мог, что ли, паразборчивей написать, – проворчал Бубенцов.

Между тем Николай Васильевич перевернул страницу и снова ткнул розовым ногтем в книгу. В выходных данных годом выпуска был указан 2007 год.

– Когда, вы говорите, выходила первая книга? – спросил Ржаксин у Алексея Ивановича.

Тот, расплываясь в нежной, детской улыбке пролепетал в ответ:

– В 2007-м...

– А заказывали вы какую книгу? От какого года?

– От текущего...

– Осталось выяснить, кому подписывал, – недовольно поворчал Бубенцов.

Алексей Иванович задумался. Из Николаев Васильевичей на ум приходили только двое: вот этот самый юрист Ржаксин, стоявший рядом, да ещё, пожалуй, Гоголь. Но 4 ноября 2007 года он не мог подписать свою книгу ни юристу, которого не знал в то время, ни Гоголю, которого, конечно, знал. Но склонности подписывать свои книги давно почившим классикам не испытывал ни тогда, ни в настоящее время. Что же оставалось? Он робко взглянул на Бубенцова.

– Даже не думай! – воскликнул тот, грозно сдвинув брови. – Никакой мистики! Лучше вспоминай, кому подписывал, с кем дружбу водил.

И вдруг, словно в ответ Бубенцову, явился Алексею Ивановичу коротко стриженный брюнет в синем вельветовом пиджаке и, поправляя круглые стёкла, хрипловато шепнул в самое ухо:

– Чудесные у вас стихи, Алексей Иванович. А уж эпиграммы как хороши. Как это... «В печати и в аудитории / Плетёт он гнусные истории...»

И вспомнился Алексею Ивановичу праздничный вечер в ЦДЛ. И то, как читал он свои эпиграммы, и как потом в нижнем буфете чокался с новыми знакомцами, и как был среди них тот высокий в круглых очках, прозывавшийся, кажется, Николаем Васильевичем...

И расплылся Алексей Иванович в блаженнейшей улыбке. Он всё понял. Подаренную книгу отдали в интернет-магазин в текущем году, чем и объяснялась путаница. Быть может, сам Николай Васильевич, чью фамилию Алексей Иванович уже не мог установить, выставил свои книги на продажу. А может... Всякое могло случиться в такое время. Но Алексею Ивановичу не хотелось думать о грустном. Напротив, маленькое, ничем не примечательное, разве что самую малость забавное происшествие внушило ему странное чувство. Как будто посреди асфальта вырос цветок, или солнечный луч прорвался сквозь плотную облачность. Впервые с объявления карантина промелькнуло что-то живое, словно бы из стоячей воды, затянутой ряской, показала бы вдруг изогнутую морду щука и подмигнула Алексею Ивановичу лукавым глазком. «Буду жить», – почему-то подумалось ему.

– Шалунишка, – пробормотал Бубенцов. Он был разочарован и оттого злобно косился на Алексея Ивановича.

– Ну что ж, – улыбнулся Ржаксин, – будем считать, это вы мне написали. Вот только дату бы уточнить.

Алексей Иванович метнулся за ручкой, и в следующую минуту на титуле появились неровные, стрельчатые цифры: «20062020». Не выпуская книгу из рук, он задумался, а потом приписал: «Год, когда все мы немного сошли с ума».

# Поэзия



## Кристина Денисенко

Кристина Викторовна Денисенко родилась 16 октября 1983 года в пос. Славное на Донбассе. Автор нескольких книг. Печаталась в поэтических сборниках, литературно-художественных журналах, литературной периодике. Лауреат, победитель и дипломант многих поэтических конкурсов разного статуса. Член Межрегионального союза писателей. Живёт в г. Юнокоммунаровске (ДНР, Россия).



### Волны души

#### Кружевная пропасть

Всё рано или поздно станет кружевным.  
Всё на своих местах от столбика до шага.  
В узорной монотонности сплетённых зим  
С кислинкой талых на ладонях винных ягод.

Всё полотно. Всё душный кокон глупых драм.  
Пусть сокрушение души совсем некстати,  
Но я тебя до полуслова воссоздам  
Из правды сердца и надуманных объятий.

В просвете ёлок звёзды разливают грусть.  
И любо-дорого смотреть на искры снега,  
И помнить то ли смутно, то ли наизусть,  
Как растекалась под покровом дрожи нега.

Глаза две бездны из богемского стекла,  
И снег такой же, как сейчас, неторопливый,

Любовь, а может, не любовь, но истекла  
Полётом бабочек над жалящей крапивой.

Всё рано или поздно станет кружевным.  
Твои слова давно овиты колосками.  
Связала мне судьба тебя, да жаль, чужим,  
И кружевная пропасть встала между нами.

### Волны души

Бьются метели о тихую гавань окна.  
Звёзды на спинах китов распускаются мальвой.  
Кухня – ковчег, и мне с палубы сонной видна  
Синяя вечность над замком надежды хрустальной.

Лунные зайчики в снежную ночь пишут стих  
На ледяных куполах недостроенных башен.  
Стих там и здесь, здесь и там между строчек немых  
Шёпот рояля порывом тоски взбудоражен.

Город, как сказочный порт, атакован и сдан.  
Всё, что прошло, то прошло, но на белой постели  
В ярких мазках оживает ночной караван  
Девичьих грёз и страстей, что своё откипели.

Синюю вечность назад белый снег также мёл,  
Только свеча нежных чувств не чадила огарком.  
Поздно ли, рано ли мальвами выстелить стол  
Так, чтобы волны души вновь сомкнулись на ярком...

### Грустное

Боярышник в заснеженных бинтах притих,  
Раздав нехитрый ужин снегирям и белкам.  
Бездонная тоска сокрыта в снеге мелком.  
Двор замкнут на засов немилостью святых.

И только птицы вне беды навеселе.  
Выводят двор из ледящего молебна  
Невинной трелью, и неистово хвалебна  
Их ода миру на поруганной земле.

К разбитым окнам жмётся гадкий персонаж.  
Он точка боли. Он скала. Его не сдвину.

А души павших в облака мне смотрят в спину,  
И снегом засыпают двор безлюдный наш.

Испуганная белка скачет по седым,  
Ладони возводящим к господу, фигурам  
Израненных кустов, и ночь во взгляде хмуром  
Пугает чернотой, которой не хотим.

Боярышник в снегу как светлое пятно.  
На тонкий месяц эпизод из снов наколот.  
Сковал в отравленном колодце воду холод.  
И я боюсь, что тоже умерла давно.

### Исцеление

Я на твоём пути  
Затворницей из ниоткуда появлюсь.  
Без лавровых венков, без липовых триумфов.  
Сольётся с мёртвой тишиной осенний блюз  
Сухих полей в непостоянстве изумрудном.

Я буду ждать тебя и чувствовать спиной  
Гудящую волнением торнадо близость.  
И мой ковчег надежды неуёмный Ной  
Опустит как глубокий сон, в котором снилось

И это платье цвета невесомый лён,  
И невесомый смог курганов безучастных,  
И отголоски дней, в которых ты влюблён  
В мои печальные глаза как пятиклассник.

Погост некошеной травы впитает миг,  
По коже пробегут мурашки предвкушений,  
Ещё момент, и будто бы уже настиг  
Твой поцелуй губам подставленную шею.

Волос коснётся ураган холодных рук,  
И ни души в пространстве грозового кома,  
Лишь я, сбежавшая от вытканной вокруг  
Болезни пустоты, не каждому знакомой.

## Межсезонье

Не осень. Межсезонье прорастает из тоски  
И требует внимания к бессолнечному небу,  
И где бы в ноябре туманном робкий след твой не был,  
Я слышу в ворохе листвы знакомые шаги.

Привет... Оберегаемый дождями вздрогнул сквер.  
На мокрых фонарях пропитан серый глянec грустью.  
И поделилась бы с тобой своей печалью, Хьюстон,  
Но неделимой нотой блюз разлуки льётся вверх.

Под траурным зонтом старуха кормит голубей.  
За кружевными шторами из синих ягод тёрна  
Колючим снегом за живое каждый голубь тронут,  
А я не снегом, а ладонью бережной твоей.

И не зима, не осень мимолётным взглядом в высь  
Толкает в лужи, в чьей нелепой власти целый город...  
И снег, как тысячи дождей назад, о прошлом вторит,  
А я с тобой хочу по лужам в никуда пройтись.

Словами тают хлопья в межсезонный час пути,  
И ты почти со мной идёшь по городскому скверу,  
Как белый снег, как много снега в полумраке сером,  
И так же таешь, не успев дослушать до «прости».

## Павел Сидельников

Павел Андреевич Сидельников родился в 2002 году в Тюмени. Выпускник школы литературного мастерства им. Владислава Крапивина. Учится на юридическом факультете Российского университета правосудия. Публикации в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Урал» и др. Участник проектов Фонда СЭИП «Липки», Мастерских АС-ПИР. Автор сборника стихов «Долгое дыхание» (М., 2023). Лауреат премии им. Юрия Кузнецова, финалист премий «Восхождение» и «Гипертекст». Член Союза российских писателей. Живёт в Воронеже.



# Тысячелистник

\* \* \*

В России – прошлогодний снег  
всё так же кружится, кружится.  
Так умирает человек –  
боится, что не повторится.  
Боится взять и замереть,  
заснуть, забыться, зазеваться...  
И что-то сделать не успеть.  
И на земле с землёй расстаться.

\* \* \*

Ребяческая робость. Забытьё.  
Дорожное сменяется тревожным.  
Живу себе, не зная, где моё  
пристанище – мой дом на бездорожье.

Коль в прошлой жизни широко шагал,  
то в этой жизни как-то всё нелепо.

Отправь меня на призрачный вокзал!  
Мне хочется на небо.  
Не под небом.

\* \* \*

Не выразил любовь свою в словах,  
но показал легко и бескорыстно:  
я нёс тебя, как листик, на руках  
и разглядел в тебе тысячелистник.

Среди других соцветий различил –  
какая здесь ромашка или мята?  
Любым растениям нужен хлорофилл,  
а мне – моя возлюбленная рядом.

\* \* \*

Не чувствуешь меня, а мне  
немного нежности хотелось.

Такая грусть, что в тишине  
казалось, будто что-то пелось.  
Так мягко, ласково, легко,  
как будто жизнь остановилась.  
Глаза раскрылись широко,  
и даже сердце спохватилось.

А мне хотелось разузнать,  
откуда музыка играет,  
откуда эту нежность звать,  
когда её так не хватает.

Темно снаружи и внутри.  
Но ты, как музыка, стояла  
в проёме кухонной двери,  
пока мой сон оберегала...

\* \* \*

О смерти я молчу, покуда  
ещё растут в густом саду  
придаточные корни чуда,  
возникшие из ниоткуда  
в две тысячи втором году.

Стоял обычный день – среда.  
Меня забросили сюда  
и ничего не объяснили.  
Меня жалели и любили,  
а я, похоже, никогда.

Вот я живу – свой век влачу,  
и корни просятся наружу –  
к новорождённому лучу,  
но правило я не нарушу:  
о смерти я ещё молчу.

# Надежда Князева

Надежда Александровна Князева родилась 3 мая 1986 года в г. Лукоянове Нижегородской области. Окончила Арзамасский государственный пединститут им. А. Гайдара по специальности «учитель английского языка», кем сейчас и является.

Автор трёх стихотворных сборников – «Невидимые крылья» (2008 г.), «Чёрно-белый режим» (2015 г.), «Запасный вход» (2018 г.).

Финалист «Филатов Феста» – 2016, Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов разного уровня. Член Союза писателей России. Живёт в г. Арзамасе.



## Игры в города и страны

\* \* \*

Сияет, словно нота «соль»,  
В звенящей синеве зенита  
След самолёта, по косою  
Касаясь солнечной орбиты.

И сольдо, вставший на ребро,  
Неспешно катится по небу.  
Остановившись за горой,  
В кармане чьём-то звякнет слепо.

О, это дань за каждый день,  
Что прожит нами и заполнен.  
И вот – ещё не взятый в плен.  
Давай сейчас его запомним:

След самолёта. Скал тепло,  
И на ступнях крупинки соли  
Волны, прозрачной, как стекло,  
Зеленоватое на сколе.

\* \* \*

Мои сомненья тянутся на свет,  
Рассеянный из туч одутловатых  
На поле, где уже сошли на нет  
Косые шрамы от ракет крылатых.

Мои сомненья через столько лет  
Сквозь грунт упрямо тянутся руками.  
Пробитой каски беззащитный цвет  
Выносят наземь тонкими ростками.

На рёбрах позабытых здесь ребят  
(Чужих, своих ли – всех укроют росы),  
Над вечным нарицательным «солдат»  
Они встают навязчивым вопросом:

С какой же стати, жизни вопреки,  
Мы – сорняки, полегшие под плугом,  
По взмаху металлической руки  
Пошли, штыки ломая друг о друга?

И так ли уж нужна война за мир,  
Где сила устремляется на силу,  
Не разбирая, где какой мундир,  
Всех сваливая в общую могилу?

Не мы кромсали землю – смысла нет –  
Мы стали частью целостной твердыни –  
Пятидесяти миллионов бед,  
Не выплаканных нашими родными.

О землю набивая синяки,  
Страну закрыв от выстрела собою,  
Оставим после только сорняки,  
Проросшие на бывшем поле боя.

**И твой друг уедет**  
Встревоженный ветер вытер  
Улыбку с лица. Прости, –  
И твой друг уедет в Питер,  
Ослепнув от перспектив.

Там сумрак огни колеблет,  
Лежащие на мели,  
Там самый простой поребрик –  
Весь в платиновой пыли.

Есть риск, в города играя,  
Рассыпаться, как драже:

И твой друг решит в Израиль  
Уехать на пмж.  
Там Хайфа уймёт тревогу,  
Власами утрёт стопы.  
Должно быть, там ближе к Богу,  
И братство – взамен толпы.

Не каждому всласть жить сидя  
И будней кроить сукно:  
И твой друг беспечно выйдет  
В распахнутое окно...

Молчать. Сжать тоску в пружину.  
Светить маяком в пути  
Вослед уходящим спинам,  
Зияя дырой в груди.

От меня улетает Крым  
Выше птиц, проводов и крыш  
Я смотрю, позабыв дышать.  
От меня улетает Крым,  
Как огромный воздушный шар.

Уплывает, как в том стишке –  
Мяч от девочки по волне,  
И магнитики в рюкзаке  
Не притянут его ко мне.

И в карманы набив камней  
(Некрасивые – всё равно!),  
Я не сделаюсь тяжелей,  
Чтобы якорем лечь на дно.

Разбросав под крылом седым  
Яркий свет бирюзовых брызг,  
От меня улетает Крым.  
Из-под ног  
Улетает  
Вниз.

**СТИХИ ПРИЗЁРОВ КОНКУРСА  
«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2025»**

*Юлия Королькова*

Юлия Михайловна Королькова родилась 14 мая 1971 года в с. Междуречье (ныне Столыпино) Никольского района Пензенской области. Окончила Пензенское училище культуры и искусств. Публиковалась в коллективных сборниках никольских поэтов. Живёт в г. Никольске Пензенской области.



**Родина моя**

Моя деревня пахнет очень многим:  
Черёмухой, цветами, родником,  
Родной избой и пылью на дороге,  
И очень вкусным сдобным пирогом!

Люблю тебя, земля моя родная!  
Ты навсегда живёшь в душе моей,  
Здесь по земле ходила я босая,  
И для меня нет уголка милей!

Тебя не очень часто навещаю,  
Но дороги мне отчие края,  
И я теперь уверена, я знаю –  
Любовью пахнет Родина моя!

**Междуречье**

Я устала от одиночества  
И не жду никаких прикрас.  
Мне в деревню безумно хочется  
На немного, ну хоть на час.

Позабыв обо всём на свете,  
Я б пила с ладони росу.  
И лишь друг, шаловливый ветер,  
Мне смахнёт со щеки слезу.

И войду в свой дом на Заречной,  
В сад, где были вдвоём с тобой,

Дорогое моё Междуречье,  
Счастье, радость моя и боль!

### Родной край

Сколько раз писала я о Родине –  
Нет её прекрасней на Земле:  
Дом родной, в саду его – смородина,  
На траве росы алмазной блеск.

Здесь лугов просторы необъятные,  
Здесь деревья над рекой стоят.  
До чего родные и понятные  
Трактора, что поле полосят.

Мне не надо ни богатств, ни рая,  
Я мечтаю только об одном –  
Жить заботой дорогого края.  
Междуречье, край ты мой родной!



ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ  
подборка стихотворений участников и гостей  
литературного клуба «Я сень»

*Марина Тerasимова*

г. Пенза

\* \* \*

Безответно.  
Без шансов.  
По остывшей земле шелестим  
чешуёй золотистых рыбок,  
а над нами туман и морок,  
бесконечный лес до небес,  
разноцветные фонари.  
Не смотри на меня –  
не стори,  
растворяясь в мутном осеннем пейзаже.  
Я теряю резкость и плотность,  
ничего не хочу, потому что  
желания с рыбками умерли  
и гниют под ногами.  
Выдыхаем дым и тепло,  
руки сложены в оригами,  
а пространство и время  
не определено.  
И с тобой никому  
никогда не темно.  
Безответно.  
Без шансов.

*Людмила Захарова*

г. Никольск Пензенской области

**Зима**

Горстью бросает в лицо  
Колкие крошки зима.  
И в лабиринтах дорог  
Я заблудилась сама.

Кружит сансары виток  
Дервишем юбка-юла...

Бел у виска завиток –  
Бегство от боли и зла.

Вьюга страстей – за порог,  
В снежной душе пустота.  
Кто бы понять мне помог:  
Я изменилась? Не та?

*Русланбек Джурабеков*

*г. Пенза*

### Рождество

В сизую лужу пролил молоко  
Серый, небритый, прокуренный полдень,  
Кошки спешат на негаданный полдник,  
Тучи лакают из лужи. В платок

Серый, пуховый, закутана площадь,  
И не продраться в маршрутки. Пешком,  
Гамбургер запивая «Снежком»,  
Тащит домой первоклассник «пятёрки».

Странная оторопь стаю грачих,  
Вдруг пригвоздила к больничному саду,  
И неотложка прилипла к надсаду  
Белой лепнины. Закутанный в стих

Лист пролетает над крышей роддома.  
Плач из окна. И запахло соломой,  
Хлеб с молоком. Кто-то вышел из дома,  
Чтобы успеть на поклон...

*Алексей Титиков*

*г. Пенза*

\* \* \*

Лётной погоды людям и птицам.  
Даже когда не хотим торопиться.  
От расставаний к новым восходам  
Лётной погоды вам, лётной погоды.

Незавершённость чувства и встречи  
В долгой разлуке светлее и резче...  
Снова созвучье души и природы...  
Лётной погоды вам, лётной погоды.

*Толма Городнова*

*с. Бессоновка Пензенской области*

### Рождество

Рождество тихонечко войдёт  
В каждый дом и в каждую судьбу.  
Мама колыбельную споёт  
И покажет яркую звезду.

Свет её предвестник Рождества,  
Свет её тончайшей пеленой  
Вдруг коснётся моего лица,  
И почудится, что он живой.

Свет любви, свет мира и добра,  
И надежды негасимый свет  
Будет с человечеством всегда,  
Без него и смысла в жизни нет.

*Татьяна Шварева*

*г. Пенза*

### Выюга

Свежий снег в ночи искрится,  
холод в щели лезет, в дверь.  
Завертай в окно стучится,  
подвывает, словно зверь.

Страшно мне и одиноко.  
На отшибе дом стоит.  
И луна, прищутив око,  
острым рогом вниз глядит.

Шаль накинула на плечи,  
быстро подхожу к окну,  
пляшет огонёк от свечки...  
Пса не вижу. Почему?

Долгими минуты стали.  
До рассвета далеко.  
Лишь бы волки не задрали  
бедолагу моего.

*Александр Буланов*

г. Москва

\* \* \*

Закипали моря-океаны,  
Индевела у моря трава.  
И подумали разные страны,  
Что для мира настала пора.

Но уже оказалось, что поздно  
Говорить на наречиях их.  
Закипает под залпами воздух,  
И подсолнух от жара поник.

*Яна Цыганкова*

г. Воронеж

\* \* \*

Не зови, родная. Меня здесь нет.  
Я лежу под снегом. Я вижу сны.  
Сквозь меня пролески и горицвет,  
К объявлению первой волны весны.  
Не горюй, родная. Я вижу сон.  
В нём приходит сын на твою кровать.  
Поседевших прядей коснётся он –  
И тебе захочется прорасти.

*Александр Костереб*

г. Санкт-Петербург

**Качели**

Скрип качелей:  
– Не мы, не мы...  
В опустевшем саду заброшенном...  
Так натужно:  
– Всего хорошего!  
Расставание до весны...

Через лужиц зеркальный наст,  
звук шагов возвращает в прошлое...  
На прощанье:  
– Всего хорошего!  
Ясно слышится:  
– Бог подаст...  
Не ноябрь, а наяд наряд,  
с голью гоголь скрипит качелями  
о любви, в которую верили  
в сверх прозрачности ноября ...  
Сгинь, стыдливая нагота!  
Подбираю слова корявые...  
А качели губами ржавыми  
всё скрипели:  
– Не та, не та...

*Наталья Шмелёва*

*г. Чебоксары Чувашской республики*

**На дороге зимней**

На пути-дороге  
Шины чуть шуршат.  
Позади тревоги,  
Едем не спеша.

Белым покрывалом  
Кажутся поля,  
А над речкой алой  
Стелется заря.

Красному востоку  
Тихо улыбнись,  
Полотном широким,  
Необъятным – Русь.

На дороге зимней  
Шины чуть шуршат,  
Музыка в машине,  
И поёт душа.

*Наталья Мошинская*

*г. Заречный Пензенской области*

### Если смешать цвета

Если смешать все цвета – получится грязь.  
Ты червонной в колоде была королевой,  
Он же имеет особую, редкую масть –  
Джокер-лгунишка, насмешник и прохиндей.  
Ради своих забав баламутит души людей...  
Краски были разлиты, на палитре судьбы печать.  
Пусть карта твоя бита, игрок – не твоя печаль.

*Дмитрий Тяткин*

*г. Пенза*

### Есенину

Колокольчиком русской души  
Ты во мраке дремучем звенел,  
Паренёк из Рязанской глуши,  
Что природу бессмертно воспел.

В разгулявшемся шуме берёз  
Голос твой поэтический жив!  
Музу ты до небес превознёс,  
Лихо голову ей вскружив.

Снова густо алеет закат,  
Зреет бледно-лимонная лунность.  
Стал воздушней стихов твоих сад,  
Где царит бесшабашная юность...

Тридцать весен – ничтожный срок,  
Тридцать лет... А потом – могила.  
Знать, Господь для себя сберёг  
Твоих помыслов светлую силу.

Колокольчиком русской души  
Ты во мраке безбожном звенел,  
Паренёк из Рязанской глуши,  
Что навечно свободу воспел!

**ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ**



**Валерий Копняк. Зимний пейзаж**



**Валерий Копняк. Пенза**

# ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ



## Татьяна Рузаева

Татьяна Александровна Рузаева родилась 25 апреля 1954 года. Живёт в г. Пензе. По образованию и профессии – инженер-информационщик, программист, преподаватель, дизайнер.

Автор сборников стихов «Жар и свет», «Рябиновый чай». Публиковалась в журналах «Сура», «Четверговая соль», в коллективных изданиях.

Участница литературного клуба «Я сень».



## Другой Мандельштам

*Композитор Исаак Шварц, друживший с Роальдом Мандельштамом, писал: «Отличительная черта его жизни – внутреннее колоссальное богатство и жуткий контраст с внешней оболочкой его жизни. ... Очень сильный был характер, несмотря на такую кажущуюся внешнюю мышечную слабость, сила духа была мощная».*



Мандельштам – имя настолько значимое для русской культуры, что кажется невозможным предположить другого поэта с такой же фамилией. И, тем не менее – он есть! И тоже из Петербурга-Ленинграда. И тоже с трагической судьбой.

Роальд Мандельштам родился 16 сентября 1932 года. Его отец, Чарльз Горович, вырос в Америке, в богатой семье российских эмигрантов. В 1926 году приехал в Россию. Учился в Ленинградском технологическом институте, где познакомился с Еленой Иосифовной Мандельштам, дочерью известного адвоката. У них был гражданский брак, и после рождения сына, названного в честь норвежского полярного исследователя

Роальда Амундсена, супруги разошлись. В 1936 г. Чарльз Яковлевич из-за

неосторожного высказывания о Троцком был приговорен к семи годам лагерей. После освобождения в 1943 г. был пожизненно выслан в Казахстан.

Елена Иосифовна в 1937 году вышла замуж за Дмитрия Томина, и в 1940 году у Роальда появилась сестра. Ей посвящено одно из самых трогательных его стихотворений «Сестре Ленке».

Учёба в школе Алику (так его называли близкие и друзья) давалась трудно: уже с четырёх лет он страдал астмой.

В 1941 году, ещё до блокады, мальчик вместе с бабушкой эвакуировался сначала в Куйбышевскую область, а затем переехал в Казахстан, к отцу.

Общение с отцом, блестящим знатоком поэзии серебряного века, оказало решающее влияние на сына.

Роальд вернулся в родной город в 1946-м. Чарльз Яковлевич до конца своей жизни каждый месяц присылал сыну по 25 рублей. В комнате, полученной матерью от завода, Роальд жил один: лёгочный туберкулёз принял открытую форму. Но родные его регулярно навещали.

Роальд в 1948–1950 годах учился в заочной средней школе, затем поступил на восточное отделение ЛГУ, а ещё позднее – в Политехнический институт, но учёбу пришлось оставить: развился ещё и костный туберкулёз. Юноша почти не выходил из дома, лежал на кровати и писал стихи, иногда рисовал. При этом он был блестяще образован, писал для друзей курсовые работы и сдавал экзамены по любому предмету, даже по медицине.

В нём всё было странным – от имени-отчества до стихов. Казалось, они должны были появиться лет на 40 раньше, во времена «Бродячей собаки», молодости Кузмина, Георгия Иванова, Блока, Ахматовой. В 50-е годы начали греметь Евтушенко и Рождественский, Вознесенский и Ахмадулина. Но Мандельштам совершенно не вписывался ни в этот поэтический круг, ни в советское время. Он жил где-то в Петербурге Серебряного века, рядом с любимыми Блоком и Гумилёвым – там, куда в детстве «путешествовал» с отцом.

Роальд до конца жизни дружил с художниками, во многом определившими неофициальное ленинградское искусство 50–60-х годов (А. Арёфьев, Р. Васми, В. Шагин, Р. Гудзенко и др. – так называемый «Арёфьевский круг», «Орден Нищенствующих Живописцев»).



В 1956 году в тяжелейшем состоянии Роальд попал в больницу. Другам сообщили в регистратуре, что их друг умер. Потом выяснилось, что врачи настолько не сомневались в исходе, что заранее написали свидетельство о смерти. А он выжил, встретил поражённых друзей с улыбкой: «У меня температура спала».

Впереди было ещё несколько лет жизни, которые он провёл между больничными палатами и своей комнатой.

Умер Роальд Мандельштам 26 января 1961 года. Ему было всего 28 лет. Умер, не увидев при жизни ни единой своей строчки напечатанной. Похоронен он на Красненьком кладбище в Петербурге.

Первые публикации его стихов состоялись в самиздате и за границей на рубеже 1970–1980-х гг., первая полиграфическая публикация в России – в 1991 г.

## *Роальд Мандельштам*

\* \* \*

Не может быть, чтоб ничего не значив,  
В земле цветы рождались и цвели.  
– Я здесь стою.  
Я не могу иначе.  
Я колокольчик ветреной земли.  
Я был цветком у гроба Галилея,  
И в смутном одиночестве царя.  
Я помню всё.  
Всё знаю.  
Всё умею.  
Чтоб гнуть своё, смертельный страх боря.  
Мой слабый звон приветствует и плачет.  
Меня хранят степные ковыли.  
– Я здесь стою!  
Я не могу иначе!  
Я – колокольчик ветреной земли.

### Сестре Ленке

Стих давно трамвайный говор,  
Ходят, бродят сны,  
Ночь одела спящий город  
В ласковую синь.

Осторожно улыбаясь,  
Прыгнул на карниз  
Хитрый-хитрый лунный заяц,  
Сел и смотрит вниз.

Открывать окно не надо,  
Надо крепко спать –  
Зайка сам придёт из сада  
Что-то рассказать;

Золотистых-золотистых,  
В капельках росы,  
Принесёт холодных листьев,  
Чудный сон приснит.

\* \* \*

Вечерний воздух чист и гулок,  
Весь город – камень и стекло.  
Сквозь синий-синий переулок  
На площадь небо утекло.

Бездомный кот, сухой и быстрый,  
Как самый поздний листопад,  
Свернув с панели каменной,  
На мой «кис-кис» влетает в сад.

Старинным золотом сверкая, –  
Здесь каждый лист – луны кусок, –  
Трубит октябрь, не умолкая,  
В свой лунный рог.

\* \* \*

Запах камней и металла,  
Острый, как волчьи клыки, –  
Помнишь? – в изгибе канала –  
Призрак забытой руки,  
Видишь? – деревья на крыши  
Позднее золото льют.  
В Новой Голландии – слышишь? –  
Карлики листья куют.  
И, листопад принимая,  
В чаши своих площадей,

Город лежит, как Даная,  
В золотоносном дожде.

## Лариса Москвитина

Лариса Борисовна Москвитина родилась 2 июля 1952 года в г. Курган-Тюбе Республики Таджикистан. Окончила исторический факультет Душанбинского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко. Работала педагогом в образовательных учреждениях.

Печаталась в альманахе «Четверги», журнале «Четверговая соль», коллективных сборниках. Участница литературного клуба «Я сень». Живёт в Пензе.



### Третья книга

Четыре года прошло со времени издания предыдущего сборника Татьяны Вадюниной «С весенним вдохновением». И вот я держу в руках новую, уже третью книгу сердобчанки – «Блики времени».

Такое название дано неспроста. Эти блики в полной мере отражены в текстах и освещают душу автора. В этот сборник вошли стихи и рассказ «Лексей и Ксения».

Проза Вадюниной захватывает с первых строк и не отпускает. Перед глазами, будто живые, встают бабушка: «Личико её сбледнело и сделалось с кулачок. Диковатые кошачьи глаза в нездоровых лиловых обводах провалились...»; тётушка: «О! Тётушке ничего не надо объяснять. Она насквозь всех видит. Ещё и вглубь земли на три метра смотрит»; и даже кухонные ходики, «Стреляя то влево, то вправо механическими глазками, с хрустом отгрызали и подолгу тщательно пережёвывали томительные минуты».

Реальные события описаны с душевной теплотой, со знанием деревенской жизни с её самобытным языком: «не видать теперь хрустящих малосольных «игурчиков» со своего «игорода», «... она то «жарынь» ввернёт, то «усейко», то петуха кочетом назовёт, то шесток – загнеткой...».

Интересен приём изложения рассказа, когда в основную канву повествования, выделенным шрифтом вписаны отступления – воспоминания. Также органично и описание осенней природы за Хопром: «Сверху из поднебесного купола лилась лазурь погожего дня. А по сторонам звенело резное листовенное золото...».

Автор не просто сухо повествует о происходящем. В каждой строчке – личное отношение и сопереживание.

Стихотворения, которые начинают сборник, относятся к пейзажно-философской лирике.

В первом разделе поэтической части «От зимы до зимы» автор живописует 12 месяцев года. Для каждого она находит особые образы и сравнения.

О январе:

*Там сколько хочешь в снегопад  
перин богатых.*

*А трубный дым?! Дома висят*

*Как на канатах.*

(«Деревенская зима»).

В стихотворении «Апрельские гастроли»: *«Апрель раздвинет окоём / плеснув небесной краски / И распушит одним щелчком / все вербы ради Пасхи».*

Об августе: *«А ведь Август – это Спасы, / Это сладкие уста, / дни медового припаса / и Успенского поста».* («Рыжий август»).

В «Октябрьском сонете»: *«Природа чахнет в Октябре / под осыпь цвета воска. / И зябко роще на бугре / В изорванных обносках».*

Во втором разделе книги «Рифмуя листопад с судьбой» картины осеннего пейзажа становятся более конкретными. Они служат фоном к изображению человеческих ощущений: *«Стекает золотце ручьём / под ветровой остудой ранней. / Вот так закатным бы стихом / и мне поплакать на прощанье».* («Осенняя тайна»).

Подкупает искренность и открытость строк в стихотворении «Странная женщина – осень»: *«Я странная женщина – осень, / поры листопадной близнец. / Вбрызнули в глаза мои просинь / из осыпи справив венец».*

В третьей части «Белые дороги» автор размышляет о жизни и творческом вдохновении. Видно, что, живя в городе, в душе Вадюнина осталась приверженцем села: *«На меня и не смотрит твой город, / Занавесившись тайной гардин / Он ключами гремит в коридорах / и морочит похожестью спин».* («Твой город»).

Татьяна Владимировна не остаётся в стороне от волнующей сегодня всех темы войны на Донбассе: *«Минуя вздыбленные трассы, / Прочь от разбитого Донбасса / летела в поисках жилья / спугнутых аистов семья».* («Бековские аисты»).

Всё написанное пропущено через сердце автора. Если вам доведётся прочесть этот сборник, я уверена, вы не пожалеете!

# КРАЕВЕДЕНИЕ



## Светлана Старостина

Светлана Александровна Старостина – киновед, кинорежиссёр, сценарист, продюсер. Лауреат российских и международных кинофестивалей. Член Союза кинематографистов РФ и Союза журналистов РФ. Почетный кинематографист России. Член национальной киноакадемии «Ника». Руководитель Пензенского отделения Союза кинематографистов России.

Генеральный директор киновидеостудии «Свет». Президент фонда имени Ивана Мозжухина и кинофестиваля «Мужская роль» имени И. Мозжухина.



## Война и мир Александра Милюкова

Александр Милюков – человек с уникальной судьбой. Герой Советского Союза, танковый ас, после войны стал сценаристом и кинорежиссером. Оставил как завещание будущим поколениям фильм о своей войне.

Родился и вырос Саша Милюков в Наровчате Пензенской области. Когда ему было пять лет, к ним в посёлок приехала кинопередвижка, и он впервые увидел кино. Мальчик на всю жизнь был потрясён чудом кинематографа. Когда подрос, с удовольствием играл в спектаклях в местном Доме культуры.

В 1940-м окончил в Наровчате среднюю школу, стал курсантом Пензенского авиационного училища Гражданского воздушного флота. 22 июня 1941 года, вместе с однокурсниками, был поднят по тревоге и направлен в Борисоглебск, доучиваться на военного лётчика. До фронта ему оставался всего один, последний учебный полёт. Но в этом полёте он получил травму. Ухудшилось зрение, и для авиации он стал непригоден.

В госпитале Саша оказался в одной палате с танкистом. Они решили, что радиостанция в самолёте и танке одинаковая, и после лечения в 1942 году, Милюков сказал на медкомиссии, что он – стрелок-радиист танка.

Его фронтовая юность началась в танковых боях под Москвой – в самый первый переломный момент Великой Отечественной войны. В Ста-

линградской битве Милюков уже участвовал как механик-водитель танка. Вскоре стал командиром экипажа.

В феврале 1943 года под Харьковом его экипаж одержал первую победу над «Тигром». Но в том же бою снаряд попал в моторное отделение танка Милюкова. Экипаж выбрался из машины и побежал, а Милюков не успел. Раздался взрыв, и тело скрылось в дыму и пламени. «Погиб на глазах экипажа» – написали в документах Милюкова. Матери послали похоронку. А он остался жив! Через линию фронта, лесами и болотами, пробрался к своим. Его положили в госпиталь. Но, сбежав оттуда, он вернулся в строй.

Вскоре произошла история, похожая на легенду: немецкий танкист-ас, выйдя на наш канал связи, вызвал Александра Милюкова по радиации на дуэль. Двадцатилетнего мальчишку, к тому времени тоже ставшего танковым асом! Случилось это накануне решающей битвы на Курской дуге. В поединке один на один танк «Т-34» Милюкова уничтожил новейший по тем временам танк «Пантера», а потом ещё и три немецких «Тигра». Гвардии старшина Милюков получил за этот бой свою первую награду – Орден Красной Звезды.



Когда советские войска вступили на украинскую землю, Милюков уже был командиром танкового взвода. Его экипажу, самым опытным и отчаянным, было доверено первыми форсировать Десну, потом Днепр, Ирпень. Одними из первых они вошли в Киев.

Звёздным часом Александра Милюкова стала Корсунь-Шевченковская операция. Тогда войска четырёх Украинских фронтов разгромили вражескую группу армии «Юг». Очистили правобережную Украину. В апреле наши войска вышли на советскую государственную границу и перешли её.

Потом была Европа: Румыния, Болгария, Югославия, Чехословакия, Польша... Освобождённые народы ликованием встречали бойцов Красной Армии.

В августе сорок четвёртого Александра Милюкова откомандировали в офицерскую школу. Вернулся на фронт он младшим лейтенантом. Бои уже шли на немецкой территории. Милюков принял под своё командование сначала взвод, потом роту. И повёл её на штурм Берлина. Первыми они вышли в тыл ставки Гитлера под Гольсенем. Александр собственными руками установил знамя Победы рядом с рейхстагом, на Александерплац, над штабом войск СС.

После падения Берлина корпус, где служил Александр Милюков, направили в Прагу. 7 мая за Дрезденом советских воинов встретила группировка танковых войск врага. Тяжёлый снаряд угодил в лобовую броню танка Милюкова. Погибли механик и командир орудия. Экипаж, увидев залитого кровью командира, покинул машину и доложил, что Милюков погиб. Но Милюков пришёл в себя и продолжил бой. После боя, вместе с радистом, оба тяжело раненые, выбрались из танка, спрятались в подвале. Подобрали их пехотинцы.



9 мая Прага была освобождена от фашистских захватчиков. День Победы Александр Милюков встретил в госпитале. За годы войны он потерял счёт ранениям. Не успев залечить раны, снова возвращался на фронт. Остался жив, выбираясь из сгоревших, взорванных, расстрелянных тринадцати боевых машин!

Был награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, дважды – орденом Красной Звезды. Медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1945 года Александру Милюкову было присвоено звание

«Герой Советского Союза».

После войны и непродолжительной учёбы в Военной Академии (видимо, осознав, что в мирной жизни у него другое призвание), Милюков вернулся домой, в Наровчат. Сначала работал секретарём райкома комсомола. Воевал с бандитами, воровавшими по ночам колхозное зерно, попадал в перестрелки. Потом был назначен директором сельского дома культуры. Старая страсть к кинематографу вернулась: в 1949 году Александр Милюков поступил в институт кинематографии.

Он воевал и в институте: встал во главе студентов, обеспокоенных своей судьбой. Два дня однажды вёл собрание. Студенты критиковали Министерство кинематографии, задавали вопрос: «Когда же о нас позаботится министерство?». Статья под таким заголовком появилась в декабре 1951 года в «Комсомольской правде». «Кому мы нужны? – спрашивали в ней студенты, – ведь фильмов в год делается единицы, а нас, выпускников, сотни!» По поручению собрания, кроме Милюкова, статью подписали будущие выдающиеся советские кинорежиссёры – Григорий Чухрай и Станислав Ростоцкий.

Тогда, в итоге, поменяли министра. А вскоре в кино случились перемены: наступил период оттепели. Главными проводниками в новую эпоху советского кино стали молодые кинематографисты.

После ВГИКа Александр Милюков был направлен в Одессу – начальником сценарного отдела киностудии. Снимал, в качестве режиссёра, научно-популярные и документальные фильмы. Снял всего около 40 картин. Конечно, он мечтал о художественных фильмах. Работал вторым режиссёром на чужих проектах. Самая знаменитая из них – музыкальная комедия «Приходите завтра» с Екатериной Савиновой в главной роли.

Через двадцать с лишним лет после войны мать Александра Ивановича получила письмо от советских солдат, служивших в Германии: «Рядом с нашей частью находится могила Вашего сына. Спасибо Вам, матери, воспитавшей такого человека!»

Так Александр Милюков узнал ещё об одной своей могиле. Сообщил солдатам, что жив. Написал им: «Рассказ о моих боевых товарищах не уместится и в нескольких повестях. Ведь жизнь, прожитая в длину войны, очень насыщена событиями. На войне каждый час равен двум, а то и четырём часам жизни. Иногда решают судьбу мгновения...»

Милюков часто встречался со зрителями, рассказывая о войне. Но только через сорок лет после тех событий он решился рассказать о своих боевых товарищах, уместив рассказ в один час экранного времени.

Он предложил Одесской киностудии сделать фильм о Великой Отечественной войне – о том, что видел и чувствовал сам. Показать большую войну будто сквозь увеличительное стекло: через один её крохотный эпизод. «Экранизировать» реальный бой, который вёл его экипаж под Курском. Пригласить зрителей «вовнутрь» войны, внутрь настоящего танка.

Милюков написал сценарий, в котором подробно воспроизвёл свой давний бой – дуэль советского и немецкого танковых асов. Вместе с режиссёром он искал натуру, подбирал актёрский «экипаж». Убедил оператора снимать главные эпизоды фильма не в макете, изображающем кабину танка, а в настоящем танке. Нашёл действующий старый танк «Т-34». Ветераны одесской киностудии утверждают, что этот танк подарили студии специально под замысел Милюкова.

Он постоянно присутствовал на съёмочной площадке. Формально был только сценаристом, на деле – консультантом, художником, декоратором, инженером, разнорабочим... Помогал съёмочной группе достоверно воссоздать события. Оператору – ставить свет, находить в тесном пространстве машины расстояние до фокуса. Советы и замечания Александра Милюкова были особенно важны исполнителям главных ролей, носившим подлинные имена четвёрки милюковского экипажа. Кажется, лучшее, что есть в фильме – это по-юношески искренняя, эмоциональная, точная работа молодых актёров.

Так был создан уникальный кинодокумент, художественные несовершенства которого компенсировались точными знаниями деталей и горячей заинтересованностью автора – главного героя того легендарного боя.

Весной 1984 года состоялась премьера фильма «Экипаж машины боевой». Кинопоказы с огромным успехом прошли по всей стране. Александр Милюков считал своим долгом встречаться со зрителями, представлять картину. Отвечать на лавину хлынувших ему и на киностудию писем.

В 1987 году в стране произошла перестройка. В декабре 1991-го распался Советский Союз. Как многие люди своего поколения, Александр Иванович воспринял эти события как личную трагедию.

Через два месяца, 28 февраля 1992 года, Милюков ушёл из жизни. Ему было всего 68 лет.



Бюст А. И. Милюкова в Наровчате Пензенской области

# СУВОРОВСКИЙ ПОЛК



*Александр Кукаев*

Александр Васильевич Кукаев родился 13 июля 1954 г. в Пензе.

Изобретатель в области акустики музыкальных инструментов. Мастер музыкальных инструментов струнного комплекса из древесины пензенского клёна. Исследователь древности Сурского края, народов России и их единства с Русским Миром. Эксперт по вопросам национальной безопасности.

Председатель Пензенской региональной общественной организации «Русское культурно-историческое общество «Сурский мир», руководитель Пензенского отделения всемирной общественной организации «Суворовский полк», партнёр журнала «Четверговая соль».



## «Крестопад» в Пензе

«Крестопад» на изображении Пензенского Кафедрального Собора заставляет нас обратиться за защитой православной веры и подтверждает попытку упразднения библейского проекта. Если от авторов ереси будет попытка оправдаться, то знайте, лицом к югу (на Мекку) молятся мусульмане – на гравюре проекция Собора с северной стороны. Православные обращены душой к восходу Солнца, посмотрите на Собор с запада, тогда и кресты будут видны.



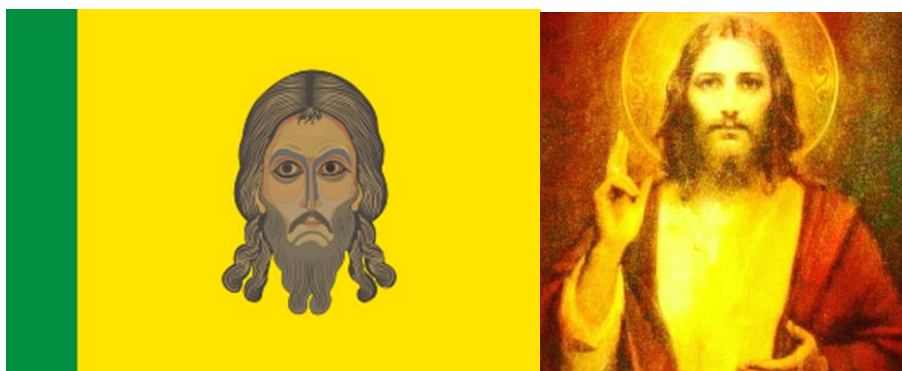
На афише нет не только крестов, но у князя А. Невского отменили то, что ОН СВЯТОЙ. Отказались от КРЕСТА???. Православные ли они??? Крест – наш символ Бога Единого, но не орудие убийства, как заявляют молодые священники. Это для католиков крест – бренд для обоснования убийства. Угодничество перед бездуховностью – есть пример западной толерантности, разрушающей Европу.

Нет креста, нет и совести. Не удивительно то, что «православную смену» – КОВЧЕГ – разукрасили цветами ЛГБТ. Если бы КОВЧЕГ ВЕЧНОГО ЗАВЕТА заселили однополыми, то сегодня человечество не состоялось бы «По образу и подобию».



### «Крестопад» стал нормой в Пензе

Мы отметили цвета ЛГБТ, но не их число – 6. Нас приучают к небесной радуге – 7, чтобы в дальнейшем было проще пропагандировать лгбт по примеру Ватикана. Настораживает то, что нет крестов, нет Святости А. Невского, нет нимба на Спасе – флаге Пензенской области 2002–2022.



Штандарт губернатора Пензенской области с 2022 года. Возникает вопрос, без нимба это Иисус Христос?

Законность Спаса на штандарте Губернатора очевидна, река Спасителя Хора – Хопёр наше культурное достояние и гордость.

«НЕТ» означает отрицание канонов Веры православной и традиционных – единых конфессий.



Пензенский кафедральный собор



Дмитриевский Собор во Владимире. Мировая уточка – славянский ведический символ, подтверждающий вечность нашей духовной культуры. Уточка и русский символ Солнца Алатырь приняты культурами народов России.

Беда нас сплотила. На СВО духовное и боевое братство под девизами: «Мы – русские! С нами Бог!»

Следует подсказать ещё одному братскому народу о гражданском долге. Впрочем, среди всех народов есть такие не граждане, которые затаились на гражданке и ждут реванша. Якобы мнение нашего братского татарского народа западные кураторы используют в целях разрушения нашей общей Родины.



# Игорь Витюк

Игорь Евгеньевич Витюк родился 22.09.1960. Окончил Житомирское высшее училище радиоэлектроники ПВО. Проходил службу в войсках ПВО. Полковник запаса, ветеран боевых действий, награждён государственными и ведомственными наградами. Главный редактор интернет-журнала «Z-Поэзия». Заслуженный работник культуры РФ. Поэт и публицист, секретарь Союза писателей России. Автор девяти книг стихов и военно-исторической публицистики. Лауреат многих премий разного статуса. Живёт в г. Пушкино Московской области.



## Вечное возвращение

### Иисусова молитва

Душа без молитвы пуста,  
В грехах пропадает и мечется.  
Давно понимать перестал  
Я душу родного Отечества.

Как тяжело душе без Царя  
Под гнётом коварного дьявола!  
И, может, Россию не зря  
Господняя милость оставила.

Откроет правдивая смерть  
Весь ад, в этой жизни посеянный,  
И буду я скорбно жалеть  
О мыслимом и содеянном.

И вновь сатана душу рвёт  
Соблазнами и потребительством.  
Никто никого не спасёт:  
Ни близкие, ни правительство...

Душа без молитвы мертва,  
Слабею от ада крошечного,  
Но вновь повторяю слова:  
«Помилуй мя, Господи, грешного!»

## Покрова на крови

*Моему другу  
гвардии лейтенанту Сергею Лобанову*

Оставил я окоп, «секретку» и блиндаж.  
Ползу на вырубку, а враг на пули щедр.  
Под снайперским огнём лежит товарищ наш,  
И вся Вселенная вместилась в этот метр!

Враг сектор пристрелял, мой друг – ориентир.  
И «птичка» адова охотится за мной.  
Я – лёгкая мишень, а перелесок – тир,  
Молюсь истошно: «Богородица, укрой!»

С небес спустилась тьма, и страшный дождь полил,  
Я друга вытащил, хоть сам слегка задет.  
Сегодня русской кровью землю окропил,  
А завтра здесь взойдёт кровавый маков цвет.

### Ты дождёшься меня! (письмо с фронта)

Ты дождёшься меня –  
Точно знаю!  
Я вернусь из огня –  
Обещаю!  
Жди! – И силы найдёшь  
Ты в молитве!  
И беду отведёшь  
В грозной битве!

Верю: в схватке любой  
Всё осилю –  
За Тебя! За Любовь!  
За Россию!

Будет это зимой  
Или в мае...  
Но вернусь я живой –  
Точно знаю!

## Вечное возвращение

Грязно. Холодно. Мокро.  
Здесь нас приветствует Смерть!  
И командира окрик:  
«Биться, но не умереть!»

Мёртвый – кому ты нужен?  
Слушай, етить-колотить! –  
Ротного голос простужен, –  
Выжить! – Затем победить!»

На рукаве нашивки:  
«Мы Русские! С нами Бог!»  
После домашней побывки  
Я не вернуться не мог.

Стал я чужим в мирной жизни,  
Отпуск весь пил напролёт,  
Словно на собственной тризне, –  
Тошно, аж душу гнетёт.

Вздвогну от резкого звука,  
Не понимаю друзей:  
Жизнь их – бездонная скука,  
Шутят над формой моей.

Я обречён возвращаться  
В этот промёрзший окоп:  
Телом, чтоб истово драться,  
Или душой, лёгши в гроб!

Или же после Победы –  
В зареве Вечной весны  
Снова сюда я приеду  
Видеть окопные сны!

# СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ



*Светлана Краснова*

Светлана Борисовна Краснова (Яйкова) родилась в 1966 году в г. Черемхове Иркутской области, затем семья переехала в с. Кевдо-Вершина Белинского района Пензенской области.

Окончила Пензенский инженерно-строительный институт. Работала по специальности, затем – в разных организациях на различных должностях, в основном специалистом по связям с общественностью.

Член ЛИТО «Радуга», объединений «Литературная среда» и «Былина». Публиковалась в альманахе «Серебряное слово», в коллективном сборнике «Поэты Заречного – фронту». Живёт в г. Заречном Пензенской области.



## Необыкновенная лисичка

Жила-была необыкновенная Лисичка – честная и добрая, никогда никого не обижала, даже мышек не ела. Питалась она лесными яблоками, орехами, грибами и ягодами. Из-за этого родня её не очень любила.

Маму свою Лисичка помнила плохо, слышала только от бабушки, что та, рассердившись на свой хвост, выставила его из норы на съедение собакам, а они её за него и вытянули. Что произошло дальше, Лисичке даже думать не хотелось...

В детстве бабушка Лиса рассказывала ей, как она сама в своё время ловко украла у мужика рыбу, приморозила волку хвост, а потом ещё и каталась на нём верхом, приговаривая при этом: «Битый небитого везёт!»

Кроме того, в истории её рода случалось ещё много такого, за что Лисичке было очень стыдно. Так, например, их дальняя родственница лиса Алиса, жившая за границей, вместе со своим дружкой – котом Базилио дуррачили Буратино, пытаясь выманить у него золотые монеты.

Прабабка Лисавея прославилась тем, что выгнала зайчишку из его же избушки. Бабушкина сестра Лиса Патрикеевна несколько раз хитростью

выманивала из дома Петушка, а тётушка Лисунья за свои проделки получила прозвище Лапотница.

Конечно же, после таких некрасивых историй все лесные жители относились к лисьему роду плохо, считая их хитрецами и воришками. Попробуй докажи, что ты не такая. Потому-то и друзей среди лесных зверушек у Лисички не было. Так и жила она совсем одна-одинёшенька.

Однажды зимой Лисичка отправилась за хворостом. Надо было истопить печку и приготовить чай. Темнело быстро, и Лисичка торопилась домой. Вдруг прямо под ногами на снегу она увидела серый комочек, который тихонько пискнул. Им оказался маленький зайчишка, он весь промок и был сильно напуган. Лисичка взяла его с собой, обогрела и напоила чаем с малиной и душицей.

Когда Зайчик успокоился, он рассказал, что не послушался маму, упрыгал далеко от дома и заблудился. Где он раньше жил, Зайчик не мог объяснить, так и остался в доме у Лисички.

Прошёл почти месяц. Лисичка очень привязалась к Зайчику, ей уже не было так одиноко, как раньше. Да и Зайчику с ней тоже было хорошо. Только иногда Лисичка замечала, что глаза её маленького друга становились грустными.

– Что с тобой, малыш? – спросила Лисичка его однажды.

– Просто я скучаю по своей маме и братикам, – тихо ответил Зайчик.

«Что же делать, – думала Лисичка, – как помочь Зайчику найти свою семью?» И вдруг её осенило: ведь завтра Новый год! Все звери приводят своих детишек на поляну к большой ёлке, где Дед Мороз и Снегурочка дарят подарки. Наверняка и Зайчиха с зайчатами будут там.

Сама Лисичка никогда не ходила на ёлку, так как лисы и волки не были на празднике желанными гостями.

Весь вечер Лисичка страшно волновалась, она опасалась: вдруг завтра звери подумают, что она украла зайчишку, и сразу же прогонят её. Но всё же решение было принято: она поможет Зайчику вернуться в семью, чего бы ей это не стоило!

С утра Лисичка тщательно умыла Зайчика, расчесала частым гребешком его шубку, и отправилась с ним к новогодней ёлке, где уже звучала музыка.

Когда они подошли поближе, зайчонок сразу же увидел свою многочисленную родню.

– Беги скорее к ним! – сказала ему Лисичка и слегка подтолкнула его в спину.

Зайчик со всех ног бросился к своей маме. Ещё до конца не веря своему счастью, Зайчиха обнимала и целовала сынишку, а тот торопливо рассказывал ей историю своего чудесного спасения.

Убедившись, что с Зайчиком всё в порядке, Лисичка уже повернула в сторону дома. Но тут её кто-то окликнул:

– Огромное тебе спасибо, Лисичка, какое у тебя доброе сердце, – со слезами на глазах сказала Зайчиха, – я ведь уже и не надеялась увидеть сыночка живым.

Лисичке было очень приятно услышать такие слова.

Снегурочка что-то шепнула на ухо Деду Морозу.

– Подойди к нам, Лисичка! – громко позвал её Дедушка.

Лисичка нерешительно приблизилась к нему, всё ещё чувствуя себя лишней на этом празднике. А он обнял её за плечи и объявил всем лесным жителям, что перед ними самая добрая Лисичка в лесу. После этого Дед Мороз взял свой волшебный мешок с подарками, достал оттуда красивые рукавички и сапожки и протянул их Лисичке:

– Это тебе мой новогодний подарок, ты его честно заслужила!

– Ой, спасибо, какие они красивые и так подходят к моей шубке, – обрадовалась Лисичка.

– Носи на здоровье! – улыбнулся Дедушка Мороз.

Заиграла весёлая музыка. Вместе со Снегурочкой звери встали в хоромод, дружно пели песни и плясали. И Лисичка была вместе со всеми. Никто больше не смотрел на неё с недоверием. Это был самый счастливый Новый год в её жизни, ведь сбылась её заветная мечта – все поняли, какая она хорошая, и у неё сразу появилось много-много друзей!

*Алексей Тютюков*

*г. Пенза*

## Галки и палки

(задача)

Летели галки,  
Стояли палки.  
Если по галке  
сядет на палку –  
галка останется.  
Коль по две галки  
сядут на палку –  
палка останется.  
Сколько галок?  
Сколько палок?

# ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО



*Лела Тулуа*

5 класс школы № 49, г. Пенза

## Письмо папе

Ты снова уехал, прошло две недели...  
Как будто мгновенье, они пролетели.  
Брожу я по дому, тебя вспоминаю,  
Куда себя деть, совершенно не знаю.

Собачка Авоська безмолвная ходит  
И взгляд свой печальный всё время отводит.  
Она будто хочет спросить: «Где ж Серёжа?».  
На грустную тень ты, Авоська, похожа.

Домой я приду, тихо дверь затворю:  
Пред образом, папа, с тобой говорю:  
«Папуля, мой милый, вернись поскорей,  
Своею улыбкой нам душу согрей!»

Ты летом вернись, насовсем, навсегда!  
И счастье поселится в доме тогда.  
Мы сможем гулять, и играть, и шутить,  
И жизнь прекрасною снова зажить.

Мы ждём тебя, папа, с победой домой!  
Ты самый любимый и самый родной.  
Ты самый бесстрашный, могучий и смелый!  
Мы ждём тебя. Мама, Авоська и Лела.

# Артём Зайнуллин

15 лет, школа № 222, г. Заречный Пензенской области

## Путник

Замёрзший город – ледяной хрусталь,  
Где в вечной стуже царствует печаль.  
Один скиталец бродит среди руин,  
В душе осколки прошлых горьких зим.

Он – тень былого, призрак в тишине,  
И боль его, как эхо в вышине.  
Во льдах застыла жизнь, застыла кровь,  
И только память будоражит вновь.

В глазах его – замёрзший океан.  
В нём тонет мир, надежды ураган.  
Он ищет искру, маленький огонь,  
Но только ветер рвётся, словно конь.

Душа болит, как рана от ножа,  
Он ищет путь свой, в темноте кружа.

# Михон Бударяшов

12 лет, Православная гимназия, г. Пенза

## Моя Русь

Моя родина-матушка Русь,  
От захватчиков богом хранима.  
Подрасту я и тоже сгожусь,  
Для защиты просторов любимых!

# СОБЫТИЯ. ДАТЫ. ФАКТЫ



## Нина Келина

Нина Юрьевна Келина родилась 3 марта 1953 г. в Новосибирске. Окончила естественно-географический факультет НГПИ. Жила в Новосибирском Академгородке, работала в НИИПК (ныне им. академика Е. Н. Мешалкина), а после переезда в Пензу – в Институте усовершенствования врачей, где защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертацию. В должности профессора заведовала кафедрой в ПензГТУ. Пишет прозу. Участница литературного клуба «Я сень».



## Художник Пётр Келин

*Река времён в своём стремленьи  
Уносит все дела людей  
И топит в пропасти забвенья  
Народы, царства и царей.  
А если что и остаётся  
Через звуки лиры и трубы,  
То вечности жерлом пожрётся  
И общей не уйдёт судьбы*

Гавриил Романович Державин

В дни празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне вспоминают о людях, родных и не родных по крови, близких и совсем не знакомых со слезами.

Я часто вспоминаю о человеке, который в лихие годы сознательно не уехал из Москвы в эвакуацию, посчитав, что, оставшись, он принесёт Родине больше пользы, – художнике Петре Ивановиче Келине. Его сын Евгений сражался на фронте в рядах Советской армии.

В дневнике Евгения я нашла запись, что во время бомбёжки столицы Пётр Иванович не хотел спускаться в укрытие, в метро. Когда начинался обстрел, молился, вставал к мольберту и рисовал.

Как он это делал? Ведь был уже немолод, имел слабое зрение, за тёмными окнами раздавался вой сирен и грохот разрывавшихся бомб...

Вероятно, он представлял «картинку».

О художнике Петре Келине сохранились скудные сведения. Он родился в 1874 году в русской глубинке – в селе Белоомут Рязанской губернии. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Учителями его были знаменитые русские художники А. Архипов, К. Коровин, В. Серов и другие. С 1897 года преподавал в своей *alma mater*, а с 1901 по 1907 руководил портретно-жанровой мастерской вместе с Константином Коровиным. Кроме того с 1903 по 1917 гг. преподавал в собственной художественной студии, а затем по 1922 год – во ВХУТЕМАСе.

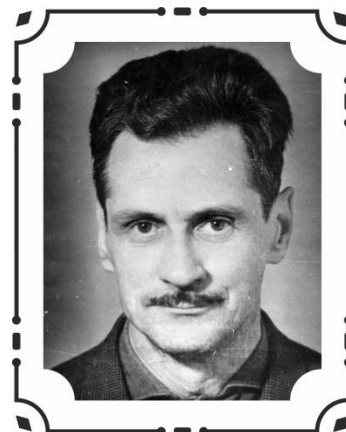
В его студии занимался в 1910-1911 гг. Владимир Маяковский – готовился к поступлению в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Остались воспоминания Пётра Ивановича Келина о поэте. Они были опубликованы. А ещё художник Келин написал два портрета Маяковского – один в 1943 г., другой в 1944 г. Они находятся в БММ.

## Пётр Келин

(16.01.1874–28.10.1946)

Пётр Иванович Келин родился в с. Белоомут Рязанской губернии. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где по окончании учёбы преподавал, работал во ВХУТЕМАСе. Жил в Москве.



### Маяковский в моей студии

Хорошо помню, как в 1910–1911 годах Маяковский учился у меня в студии. Большинство учащихся были москвичи, но были и из провинции. Я подготавливал их в Школу живописи, ваяния и зодчества и в Академию художеств.

Работали утром с девяти до двенадцати часов и вечером с пяти до семи. Часть учеников рисовала с гипсов и с натурщика – по пояс. Более подготовленные рисовали обнажённую фигуру. Раз в неделю я им читал перспективу.

Постановка учёбы в студии была очень серьёзная, отношение к учащимся строгое. Если я замечал, что кто-нибудь не работает, а занимается флиртом, я вызывал к себе в кабинет и говорил:

– Это вы кончите, или кто-нибудь из вас должен будет уйти.

И если флирт не прекращался, я действительно удалял менее талантливого.

Учащиеся принимались в студию по способностям. Просмотрев работы новичка, я обычно говорил:

– Поработайте недели две, а тогда посмотрю – оставлю вас или нет.

И вот пришёл юноша. Высокого роста, басистый. Я пошутил даже:

– Вам бы Шаляпиным быть!

– Нет, меня тянет больше к живописи. Вот принёс вам рисунки, посмотрите – как. Я уже занимался в студии Жуковского, да не нравится мне там. Там всё больше дамочки занимаются. Вот мне и посоветовали пойти к вам.

Он мне очень понравился. Я даже не предложил ему две недели заниматься «на пробу». Подготовлен он был слабо, но очень понравился мне своим свободным, открытым лицом, скромностью, застенчивостью. А самое главное – сразу было видно, что он не кулачок, рассчитывающий на искусстве нажить деньги. Он даже не спросил «а выйдет из меня что-нибудь или не выйдет?».

В первое время рисунок у него был немного шаблонным. А у меня была строгая программа. Мне ведь надо было серьёзно подготовить учеников к конкурсным экзаменам. Когда я видел, что рисунок одного ученика похож на рисунок другого, я обязательно добивался, кто же из них кому подражает. Если ученик не сознавался, я предлагал ему написать свою фамилию на листе бумаги, который висел на стенке, и другой также расписывался, а я говорил:

– Вот почерки у нас непохожие, зачем же вы рисуете одинаково? Ведь линия здесь та же самая. Это шаблон. Вы же не попадёте, ни тот, ни другой, в Школу.

И так всё время добивался, чтобы рисунки были своеобразными. Благодаря этому, в Школу, несмотря на большой конкурс, поступало очень много моих учеников.

Сам я всегда узнавал рисунки своих учеников. Ведь это всё равно, что лицо. Рисунки на экзаменах не подписывались, а я всегда знал по почерку: вот это тот-то, этот тот-то. И Маяковский сразу понял, что у него должна быть своя линия. У него появилась индивидуальность.

Работал он у меня до первого экзамена в Школу живописи, месяца три-четыре. Я ему не советовал держать этот экзамен.

– Вы ещё слабы, Маяковский, вам надо ещё годик поработать.

– А попробую, Пётр Иванович, что я теряю?

– Ну, ладно, держите.

Экзамена он тогда не выдержал, но не упал от этого духом. Другие приходили скучные, грустные, что не попали (таких было мало, обычно из двадцати пяти моих учеников только два-три проваливались), а он пришёл жизнерадостный:

– Я хочу у вас ещё годик основательно позаниматься.

– Ладно, – говорю, – я за вас ручаюсь: через год вы будете в фигурном классе, а сейчас вы были бы в головном.

Маяковский проработал у меня в студии ещё год. Это был удивительно трудоспособный ученик и работал очень старательно: раньше всех

приходил и уходил последним. За весь год пропустил дня три только. Он говорил:

– Знаете, Пётр Иванович, если я не приду работать в студию, мне будет казаться, что я сильно болен – мне тогда и день не в день.

Первый год он в студии рисовал гипсы и натурщиков – голову и до пояса. Рисовал сначала дилетантски. А у меня такой приём педагогический был: я взял один из его рисунков, стёр его и на другом листе бумаги нарисовал голову старика-натурщика, которая у него не выходила.

– Вот, Маяковский, вы не подражайте, но поглядите, как следует, постарайтесь понять, в чём тут дело, сравните с натурой. А после этого я свой рисунок у вас отберу, а то вы подражать будете.

Это ему очень помогло. Рисунок, который я для него сделал, у меня сохранился.

На второй год он рисовал натурщика (обнажённую фигуру) и немного писал маслом. Я знал, что дома он пишет маслом, но эти работы он стеснялся мне показывать. Способности у него были большие. Я считал, что он будет хорошим художником.

В то время, когда поступал Маяковский, в студии училось человек двадцать пять-тридцать. Уже на следующий год в студии училось человек сорок пять-пятьдесят, а в последующие годы число учащихся доходило до девяноста. Больше не позволяло помещение. Я подыскал другое, на Тверской-Ямской. Надо было переезжать. Прихожу в студию, спрашиваю:

– Ребята, сколько подвод надо брать?

Маяковский посмотрел и говорит:

– Довольно одной.

– Да ведь гипсы на одну не положишь.

– А нас-то разве мало? Перетащим!

Я говорю, что неудобно будет с гипсами в руках по улицам идти.

– Ничего! Я Аполлона беру.

Погрузили подводу, Маяковский взял Аполлона Бельведерского, другие по две маски, я тоже взял что-то, и такой процессией мы отправились из Бутырок на Тверскую-Ямскую. Публика дивилась: «Что за статуи? На кладбище, что ли, их тащут?» Хохочут. Так и перенесли всё в новое помещение.

Вообще Маяковский был всегда зачинщиком. В перерывах вокруг него собирались ученики. Шутник был страшный, всегда жизнерадостный, острит, рассмешит всех. Отношения с товарищами у него были изумительные, но дамочек, вертящихся около искусства, он недолюбливал: мешают они серьёзно заниматься. Дураков тоже не любил. Помню, был такой ученик: богатенький, а с рисунком у него ничего не получалось. Маяковский про него и говорит:

– Какой из него выйдет художник?! По ногам видно, что в душе он портной.

Настроение в студии было революционное. Учился человек пять студентов из университета. Часто бывали споры. Маяковский здорово их крыл.

Говорили о революции 1905 года, о народном движении. Маяковский тогда был уверен, что непременно будет революция.

Один раз он мне сказал:

– Пётр Иванович, хорошо вы портреты пишете, но бросьте портреты писать, начните что-нибудь другое. Ведь портрета никто лучше Веласкеса не сделает. Вы бы что-нибудь другое попробовали.

Я говорю, что не так культурен, никогда за границей не бывал. Вот бы вам, молодёжи, свергнуть все эти гадости царские, и стёрлись бы тогда все границы, а я бы с вами в Мадрид, в Прадо поехал.

– Будет, Пётр Иванович! В недалёком будущем обязательно будет!

В студии стояло пианино, и ученики в перерывах часто пели хором. Мне рассказывали, что у Маяковского слуха совсем не было. Иногда устраивались «субботники»: собирались в студии, веселились, пели.

Из моих работ, сделанных при Маяковском, очень ему нравился портрет А. Н. Фролова (Фролов – один из моих учеников, очень талантливый).

Я ученик Серова и часто говорил о нём своим ученикам – о серовской линии, о его простоте, о его взглядах на искусство, показывал репродукции его работ, водил в Третьяковку. Маяковский Серова очень любил. Когда Серов умер, Маяковский был на его похоронах и говорил речь<sup>1</sup>.

Помню, после похорон говорю ему:

– Я вам очень благодарен, что вы так хорошо отнеслись к Серову.

А он в ответ:

– Подождите, Пётр Иванович, вас мы ещё не так похороним.

Он ко мне замечательно относился. Как сейчас помню, после своего поступления в Школу живописи Маяковский с другим учеником притащили колоссальный мольберт с особым устройством для подъёма картины, чтобы художнику нетрудно было её поднимать. Мольберт тяжёлый, тащили они его, как какой-нибудь гардероб. Я удивился:

– Что такое?

– А это, Петр Иванович, мы собрались и сложились. Это вам подарок на память.

А на мольберте была дощечка медная «Дорогому учителю от учеников».

Осенью в 1911 году Маяковский второй раз держал экзамен в Школу живописи. На экзаменах обычно рисовали обнажённую фигуру и гипсовую голову. Давали по три часа на каждую работу. Экзамены продолжались шесть дней. Я всегда в эти дни очень волновался за своих учеников, не спал ночей. И вот приходит с экзамена Маяковский:

---

<sup>1</sup> Воспоминания впервые опубликованы в журнале «Искусство». – М, 1940. – № 3.

– Пётр Иванович, ваша правда! Помните, как вы учили делать обнажённую натуру? Я начал от пальца ноги и весь силуэт фигуры очертил одной линией, положил кое-где тени и вот – в фигурном классе!

Его действительно приняли сразу в фигурный класс, так что он (как я ему и говорил) года не потерял.

После его поступления в Школу живописи я часто встречался с ним в кафе Филиппова. С ним всегда было интересно беседовать. Он был очень интуитивный человек. Всегда говорил:

– Ах чёрт, факты! Что вы мне факты суετε, вы должны сами чувствовать, что правда, а что неправда. Придумайте что-нибудь сами, и это будет правдиво.

Как-то, когда он уже стал поэтом и дружил с Бурлюком, он затащил меня к ним (кажется, это было в Леонтьевском переулке). Бурлюк с лорнетом в руке ходил по небольшой комнате (в ней стоял только убогий дощатый стол и две табуретки, на которые была положена тесина) и читал стихи.

Маяковский тоже читал стихи.

Бурлюк мне очень не понравился: такой самонадеянный, нахальный.

– Что такое эти преподаватели живописи? Я захочу быть Пастернаком, Серовым – и буду. Под кого хотите, я вам напишу так, что вы не отличите.

Это мне не понравилось.

Уже после революции я был на вечере в Доме учёных. Маяковский читал «Необычайное приключение», про солнце. Мне стихи не понравились. Когда он кончил, я встал и пошёл к выходу. Он увидел меня и кричит вслед с эстрады:

– Пётр Иванович! Что же вы уходите?

– Да не понимаю этого я.

А он в ответ:

– Когда я у вас в студии учился, тоже не понимал, так ведь не уходил же.

Но я всё-таки ушёл.

До революции он как-то предлагал мне написать его портрет, да у меня не нашлось времени. Потом, году в 1926 или 1927, мы встретились, и я сам предложил написать его.

– Хорошо, хорошо. Позвоните по телефону, сговоримся. Приеду по первому звонку.

Я тогда не позвонил: знал, что он очень занят, и всё откладывал.

Очень жалею, что так и не удалось написать его портрет.

**ВСПОМНИМ**  
**Дину Дмитриевну Злобину – 1 января.**

\* \* \*

Я родилась не горожанкой,  
И в Пензе сердцу дорог лес,  
Где дятел утренней морзянкой  
Стучит среди живых чудес.  
Дивлюсь синичьему задору  
И луч в росинках подержу.  
Частенько здесь в грибную пору  
Под шум осинника брожу.  
В мечтах неспешных строю планы  
Не завтра, значит, на потом...  
И крыши Западной Поляны  
Видны в закате золотом.  
.....

**Владимира Николаевича Ладыженского – 19 января**

Русский писатель, общественный деятель родился 8 / 20 марта 1859 в с. Александровка Саратовской губернии (ныне Пензенской области). Детство провёл в родовом имении в с. Секретарка Сердобского уезда., жил в с. Липяги. Избранное – книги рассказов «На пашне», «Далёкие дни», «Дома». В 1919 г. Эмигрировал во Францию. Умер в 1932 г. В Ницце.

**Александра Сергеевича Пушкина – 29 января.**

\* \* \*

Если жизнь тебя обманет,  
Не печалься, не сердись!  
В день уныния смиришь:  
День веселья, верь, настанет.  
Сердце в будущем живёт;  
Настоящее уныло:  
Всё мгновенно, всё пройдёт;  
Что пройдёт, то будет мило.

**Александра Сергеевича Грибоедова – 30 января.**

*Николай Замятин*

Творцу «Горя от ума»

Печальный взгляд за линзами пенсне  
Казалось, смотрит вдаль, не замечая,

Людей, живущих в роскоши, на «дне»,  
Жестокость, что народом управляет.

Но, видя всё, он холодно молчал,  
Боль маскируя горькою усмешкой.  
Он был «лубочного театра» наблюдал,  
Где ложь и лесть переплелись успешно.

.....

Предвидел он пороков долговечность:  
Молчалины живут и среди нас,  
Все Хлёстовы прикинулись овечками,  
А Фамусовых приютил элитный класс.

Поэтому отыщется не скоро  
Для Чацкого желанный уголок,

.....

**Николая Семёновича Лескова – 21 февраля.**

Русский писатель, публицист, литературный критик. Автор романов, повестей и рассказов родился в с. Горохово, Орловской губернии 4 / 16 февраля 1831 года. С 1857 по 1860 год жил с семьёй в селе Николо-Райское Городищенского уезда Пензенской губернии и в Пензе. Здесь он впервые взялся за перо. В 1859 году, когда по Пензенской губернии, как и по всей России, прокатилась волна «питейных бунтов», Лесков написал «Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния)», которые были опубликованы в «Отечественных записках» (1861, № 4). Умер Лесков в 1895 году, похоронен в Санкт-Петербурге на Волковском кладбище.

## **ПОЗДРАВЛЯЕМ**

**Дмитрия Викторовича Пяткина – 2 ноября.**

**Олега Николаевича Карева – 18 ноября.**

**Шестакову Веру Владимировну – 22 ноября.**

**Булыгина Алексея Витальевича – 22 ноября.**



23 октября в ЦГПБ им. В. Г. Белинского состоялась презентация юбилейного пятого номера журнала «Четверговая соль» и двух приложений «Нам пять» и «Наш журнал в пути». Перед слушателями выступили авторы номера и участники литературного клуба «Я сень» – эта общественная организация является финансовой основой издания.

